

Шахин Ю.В.,

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей истории
ОНУ имени И.И. Мечникова*

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНФОРМБЮРОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЮГОСЛАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматриваются оценки, которые давали югославские историки информбюровскому движению. Прослежена эволюция оценок, показано, что версия об информбюровцах, как агентах советских спецслужб необоснованна. Последние исследования показали, что информбюровское движение стало следствием социальных процессов в Югославии, а степень его развития зависела от национально-культурных особенностей отдельных регионов.

Ключевые слова: Югославия, информбюровцы, социальный состав, политическая борьба, историография.

Информбюровцы — это сторонники Сталина и Советского Союза, действовавшие в Югославии в период советско-югославского конфликта 1948-1955 гг. Их судьба часто привлекает к себе внимание в бывшей Югославии, но значительно реже вызывает интерес на постсоветском пространстве. До сих пор об информбюровцах было написано совсем немного. Так, еще в 1990 г. была напечатана популярная статья Г. Полегаева [1, 34-41], короткий материал справочного характера приводят о них в своих книгах Ю.С. Гиренко, Н.В. Васильева и В.А. Гаврилов [2, 391-392; 3, 248; 4, 290-291], небольшой раздел посвящен информбюровцам в монографии «Москва и Восточная Европа» [5, 587-591], есть публикации по отдельным вопросам у Е.Ю. Гуськовой [6, 471-475]. Кроме того, сжатая характеристика информбюровского движения несколько лет назад была дана автором данной статьи в монографии по истории Югославии, и на этом историография по сути исчерпывается. В Югославии и образовавшихся на ее месте государствах, литература об информбюровцах весьма обширна. Но у нее есть одна примечательная особенность: в основном она делает акцент не на деятельности информбюровцев, а на их преследовании, поэтому больше всего разработана тема лагерей, где особенно выделяется зловещий Голый остров. Впрочем, и здесь остаются белые пятна, поскольку архивный фонд союзного Управления государственной безопасности все еще закрыт для исследователей. Однако гораздо больше нерешенных проблем содержит

другой вопрос: какова природа информбюровского движения? Скромные результаты, которые дала при ответе на него югославская историография, и будут предметом внимания данной статьи.

Первыми попытались поставить этот вопрос сами лидеры тогдашнего югославского режима. Еще в январе 1951 г., выступая на заседании Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении, член Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии Милован Джилас заявил: «Проблема ИБ — в Словении не было столько проявлений, поэтому идеологически политически недооцениваем. Нужно неуклонно бороться против капиталистической бюрократии. Все бюрократы, у которых есть позиции, придерживаются линии ИБ. Информбюровщина опаснее, чем мелкобуржуазная стихия» [7, 260]. Вслед затем та же оценка была озвучена и конкретизирована на заседании Политбюро ЦК Коммунистической партии Хорватии. 2 февраля член Политбюро ЦК КПЮ Владимир Бакарнич заявил, что Информбюро опасно из-за отсталости Югославии. Она легко может свернуть на путь СССР, который из-за отсталости уже отошел от социализма. Потому те, кто долго колеблется по линии Информбюро — особенно опасные враги социалистического строительства. В этой связи Бакарнич призвал к чистке партии: тех, кто не способен проводить новый курс, отправлять на пенсию, а с колеблющимися и врагами расправляться [8, 635]. 21 февраля высказывания Бакарнича уточнил член Политбюро ЦК КПХ Звонко Бркич. Он заявил, что ядро сторонников Информбюро составляют «разные бюрократические функционеры — лучший кадр для Информбюро» [8, 647].

Современные данные о социальном составе информбюровцев очень хорошо ложатся на эти оценки. Соответствующая статистика до сих пор опубликована в неполном объеме. Но согласно официальным данным, которые приводит Р. Радонич, среди них было 5626 крестьян, 5081 рабочий, 4008 студентов, 1722 работника Министерства внутренних дел и УДБы, 2616 работников партийного аппарата, 550 руководителей органов власти, включая сюда 63 депутата союзной и республиканских скупщин, 4153 служащих

Югославской армии [9, 74]. На этой основе с долей уверенности можно утверждать, что информбюровское движение преимущественно городское и в значительной степени в партийно-государственном аппарате. Статистика по Словении и Македонии как будто этот вывод подтверждает [6; 10, 170, 171]. Однако все это не означает, что оценки, которые в 1951 г. были даны в Политбюро ЦК КПЮ, справедливы.

Во-первых, публичное изменение точки зрения Политбюро ЦК КПЮ на проблемы социализма произошло лишь в 1950 г., а пик активности информбюровцев приходится на 1949 г., когда КПЮ все еще проводила ортодоксальную сталинистскую политику. Потому усмотреть в информбюровцах бюрократических перерожденцев, восстающих против истинного социализма, не получается. Правда, нельзя отрицать, что с 1950 г. новая политика правящей партии могла толкать догматически настроенные кадры в информбюровцы. Но этот фактор не действовал, когда движение только начиналось. Потому главная причина его появления в чем-то другом. Во-вторых, высокий процент репрессированных в партийно-государственном аппарате может быть объяснен выбором самих карательных органов, их приоритетами в репрессивной политике и сфере поиска врагов.

Впоследствии югославская историография даже близко не поднималась в своей трактовке информбюровцев к уровню Джиласа, Бакарича и Бркича. Она склонна была рассуждать в русле официальной пропаганды, сложившейся в период советско-югославского конфликта и выставлять деятельность информбюровцев просто как часть сталинского заговора против Югославии [см. например: 11, 147, 159].

Этой точке зрения воздал дань даже такой выдающийся историк как Владимир Дедиер. Он преподносил информбюровцев в качестве развитой шпионской сети, которую Сталин создал до советско-югославского конфликта, а во время конфликта двинул в бой против Югославии [12, 449]. Однако в отличие от своих предшественников Дедиер постарался максимально обосновать эту точку зрения фактами. Он собрал устные свидетельства и даже получил доступ к документам о работе информбюровцев на советские спецслужбы. Поскольку эти документы до сих пор закрыты для историков, сведения Дедиера приобретают особое значение. Поэтому кратко остановимся на них.

У Дедиера можно найти описание пяти таких случаев [12, 350, 461, 462, 464, 487]. По ним проходят в совокупности 54 человека. Наиболее значительный связан с неким полковником В.Д. в Риеке, который создал агентурную сеть из

28 человек на военно-морском флоте Югославии, за что и был казнен. Еще один человек (Б. Чолич) хотел наладить прослушивание Й. Броза-Тито летом 1948 г., за что был пойман с поличным и приговорен к 20 годам заключения. Остальные три случая доверия не вызывают. 21 человека арестовали в МИДе по подозрению в связях с советской агентурой, однако о доказанности их вины Дедиер ничего не сообщает. Два генерала, находясь в заключении на Голом острове, признали себя советскими агентами, однако этот факт Дедиер передает с опорой на устное свидетельство, а не по документам. Но главное, порядки на Голом острове были таковы, что узники оказывались способны признать все что угодно, потому воспринимать их показания всерьез не приходится. Замыкает список агентов М. Брашич, который оказал ценнейшие услуги партизанскому движению в годы войны, а в 1948 г. был объявлен советским агентом. Примечательно, что Дедиер не приводит никаких изобличающих его фактов, а сам Брашич свою вину не признавал.

К этому перечню можно добавить широко известный случай двух членов ЦК КПЮ А. Хебранга и С. Жуевича, которые весной 1948 г. были арестованы как предполагаемые советские агенты. Но ни в том ни в другом случае их вина доказана не была. Оба обвиняемых перед судом не предстали, хотя и по разным причинам. Хебранг умер в тюрьме, а Жуевич покаялся в своих политических ошибках и был освобожден.

Если проанализировать все эти примеры, то оказывается, что ни в одном из них нет однозначного свидетельства вербовки будущих информбюровцев до начала советско-югославского конфликта. Пожалуй, только Чолич мог быть завербован заранее. Но это один случай с одним человеком. На фоне общей массы информбюровцев он ничего не доказывает. В период конфликта советские спецслужбы естественно пытались вербовать информбюровцев, и было бы странно если бы они этого не делали с учетом того ожесточения, которым сопровождалось советско-югославское противостояние. Но даже если мы возьмем общее число лиц, которых Дедиер посчитал иностранными агентами, то и оно несопоставимо с числом репрессированных. Таковых по имеющимся данным было от 16288 до 16731 человек, при общем количестве взятых на подозрение 55663 чел. Одним словом, официальная версия об информбюровцах как советских шпионах выглядит несостоятельно.

Впрочем, уже у Дедиера встречаются попытки найти социальные истоки движения. Ссылаясь на некоего анонимного черногорца, Дедиер сформулировал три основные группы причин, вызывавших

недовольство и побуждавших черногорцев поддерживать Информбюро. Во-первых, очень много черногорцев выдвинулось в военно-политическое руководство, а для маленькой Черногории их было слишком много, и далеко не всем можно было дать должность, удовлетворяющую их амбиции. Во-вторых, партизанские семьи испытывали недовольство тем, что понесли наибольшие жертвы во время войны, но не получили по ее окончании никаких преимуществ. В стране разоренной войной было слишком мало свободных средств, и их направляли в первую очередь туда, где население было менее лояльным, чтобы укрепить популярность новой власти, а партизанские края страдали от недостаточной поддержки. В-третьих, недовольство вызывала общая политика государства — в первую очередь аграрные эксперименты и репрессии [12, 450-451].

Качественный перелом в осмыслении информбюровцев произошел уже во второй половине 1980-х гг. В 1985 г. вышла книга черногорского профессора Р.Радоньича. Эта работа несколько подзабыта в современной науке, и на нее редко ссылаются. Отчасти отталкивает сам тяжеловесный и идеологически выверенный стиль этого произведения. Отчасти смущает полное отсутствие научного аппарата. Но последнее обстоятельство имеет свое объяснение. Радоньич получил доступ к материалам спецслужб — в предисловии к книге известный югославский историк Чедомир Штрбац дает это понять практически прямым текстом. А платой за использование столь исключительной информации стал сознательный отказ автора от научного аппарата [9, 9-10].

Опираясь на архивы государственной безопасности, Радоньич сформулировал следующие причины попадания в информбюровцы. На первое место он по традиции поставил активность советской разведки, но в отличие от Дедиера привел систематизированные числа. По данным Радоньича спецслужбы СССР и его союзников завербовали в 1948-1949 гг. 1932 граждан Югославии, в том числе 1060 человек до открытого начала конфликта [9, 49-50]. Разумеется, к этим данным нужно относиться с большой осторожностью, поскольку источники однозначно показывают, что в Югославии правящая партия в период конфликта развязала самую настоящую «охоту на ведьм», а фантазия «органов» в таких условиях имеет свойство разрастаться. Да и в любом случае в общей массе информбюровцев предполагаемые агенты СССР находятся в меньшинстве. На второй позиции у Радоньича — догматизм и карьеризм. На третьей — следование авторитету «высокопоставленных партийных и государственных функционеров и других влиятельных лиц». На четвертом месте

— недостатки пропагандистской работы КПЮ по разъяснению причин конфликта. На пятом оказалось воздействие той чрезвычайно трудной международной обстановки, когда Югославия по инициативе СССР была ввергнута в состояние международной изоляции. Те исключительные трудности, которые пришлось преодолевать Югославии в это время, болезненно отражались на ситуации внутри страны и у многих вызывали неверие в победу. Как следствие рождалось предложение отказаться от противостояния с СССР. Шестая причина — аграрная политика КПЮ, сопровождаемая все большим насилием в отношении крестьян. Седьмая причина связана с сектантской политикой правящей партии, когда в информбюровцы записывали тех, кто на самом деле ими не был. Восьмой фактор — активность сил буржуазной реставрации, которые пытались использовать советско-югославский конфликт для свержения режима. Наконец девятая причина специфически черногорская — вера большинства черногорцев в общность своей судьбы с Россией [9, 51-70].

Следует оговориться, что Радоньич нигде не утверждает, будто его перечень причин построен в порядке их значимости или количественного веса. Потому перед историками встает задача выявления данной иерархии, и спустя почти 30 лет она все еще остается нерешенной. Но как бы то ни было, Радован Радоньич впервые попытался дать социальные мотивы поддержки информбюровского движения.

Впрочем, историки, писавшие на эти темы во второй половине 1980-х гг., оценки Радоньича обычно игнорировали. Такой маститый югославский историк как Б.Петранович в своей обобщающей истории Югославии повторил утверждение Радоньича о вербовочной активности советских спецслужб, затем рассказал об информбюровцах исключительно как о жертвах, а проблему социальных корней просто обошел стороной [13, 223-224, 231-233]. Известный югославский журналист и политический обозреватель Д.Маркович в 1987 г., хотя и делал акцент на невиновности большинства информбюровцев, тоже продолжал поддерживать старую версию о предательстве и их вербовке, правда, уже не утверждая, что она состоялась до начала конфликта [14, 23-45, 229, 232]. К тому времени Маркович уже был знаком с новыми исследованиями историка Б.Ковачевича, которые позволяли по-иному увидеть феномен информбюровцев. Но сам Маркович ограничился лишь характеристикой исследований Ковачевича как «интересных» и, по сути, согласился лишь с одним из его утверждений — среди информбюровцев было много догматически мыслящих людей [14, 232, 238].

На сегодняшний день наиболее полно проблему социальных корней информбюровского движения исследовал именно черногорский историк Б.Ковачевич. Впервые он сформулировал их в середине 1980-х гг., а затем немного дополнил во второй половине 1990-х гг. Но сделал он это применительно к черногорцам и с учетом социальной, культурной и исторической специфики Черногории. Тем не менее, если отделить из его анализа собственно черногорское, получается несколько причин, толкавших людей в информбюровцы. Во-первых, это традиционная любовь к России, перенесенная на Советский Союз, и воспитанная компартией вера в непогрешимость Сталина. Во-вторых, это политика привлечения технических специалистов на руководящие должности в системе госуправления, вызывавшая недовольство кадровых революционеров. В-третьих, недовольство граждан моральным разложением партийно-государственных функционеров. В-четвертых, недовольство привилегированным имущественным положением, которое они занимали, предательством коммунистических идеалов. В-пятых, политика превращения партии в массовую, начатая после V съезда, возмущала старых партийцев, поскольку с одной стороны в партию шли карьеристы, а с другой, она как будто на деле доказывала справедливость одного из сталинских обвинений. В-шестых, насильственная коллективизация, хлебозаготовки, налоги, принудительные мобилизации рабочей силы породили в народе, особенно среди крестьян, недовольство, которое тоже способствовало появлению информбюровцев [15, 145-147; см. также более ранние оценки Б.Ковачевича: 14, 235-237].

В самом конце 1980-х гг. научная общественность Югославии получила возможность ознакомиться с книгой диаспорного хорватского историка И.Банца об информбюровском движении. И.Банца провозглашал, что по своим корням информбюровское движение очень разнородно, но вообще склонен был сводить изучаемое явление к национальным истокам. Одна из главных идей Банца в том, что оно связано с национальными культурно-идеологическими особенностями того или иного народа Югославии. Он указывает на русофильскую Черногорию, ее патриархально-семейные традиции. Отмечает русофильство информбюровской эмиграции и ее ориентацию на сербскую культурно-историческую традицию. Еще один источник информбюровского движения он видит в недовольстве несербских национальностей утвердившимся в Югославии жестким централизмом [16, 171, 178]. Также он связывает информбюровцев с фракционной борьбой предыдущих лет. С привлечением обширного материала по истории

КПЮ 1920-1930-х гг. Банца убедительно показал, что несколько высокопоставленных информбюровцев оказались не столько жертвами конфликта со Сталиным, сколько старых фракционных дрызг. Он убедительно объясняет случай Хебранга и других руководителей из Хорватии, а также из Македонии. Но эти объясненные им случаи — лишь капля в общем море. Да и в качестве основной причины фракционной борьбы он рассматривает расхождения по национальному вопросу.

По-видимому, объяснения Банца пригодны как объяснения второго порядка, помогающие выяснить, почему в разных районах Югославии и у разных национальностей этой страны информбюровское движение проявлялось с разной силой. Но ничего принципиально изменить в общих характеристиках движения эти замечания не могут. Таким образом, они скорее могут служить дополнением к оценкам Б.Ковачевича, чем их опровержением.

Подводя итог следует заметить, что основные оценки социальной природы информбюровского движения были сделаны за время существования югославской федерации или, как принято говорить в современных югославянских историографиях, второй Югославии. Эти оценки прошли период от чрезвычайно тонких объяснений высшего партийного руководства, которые так и не стали достоянием ученых, до вульгаризации, когда бытовало стремление представить информбюровцев агентами иностранных разведок и отрицать за их движением какое бы то ни было социальное основание. Югославская историография 1980-х гг. ввела в оборот новые данные, которые позволили отказаться от упрощенных штампов и вновь открыть социальную подоплеку в информбюровском движении. Однако эти достижения остались неразвиты в первую очередь из-за недоступности важнейших источников. Тем не менее, нельзя подвергнуть сомнению, что социальные истоки информбюровского движения существовали. Впрочем, после распада СФРЮ историография не имеет по данной проблеме никаких достижений. Историки, которые работали в период существования Союзной республики Югославия (третья Югославия) ограничивались эмпирическими исследованиями информбюровской проблемы, то же самое касается сербской историографии и других региональных югославянских историографий, которые постепенно обособливались по мере распада некогда единого государства. Проблема ждет своих дальнейших исследователей.

Литература:

1. Полегаев Г. Поколение Голого острова // Эхо планеты. — 1990. - № 37-38.
2. Гиренко Ю.С. Сталин-Тито / Юрий Станиславович Гиренко. — М., 1991.

3. Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?... (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Васильева, Гаврилов. — М., 2000.

4. Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке / Нина В. Васильева, Виктор Александрович Гаврилов, Виктор Александрович Миркискин. — М., 2005.

5. Москва и Восточная Европа. — М., 2008.

6. Гуськова Е.Ю. Судьба македонцев, пострадавших в репрессиях конфликта Сталин-Тито / Елена Юрьевна Гуськова // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. — М., 2010. — Режим доступа: <http://guskova.ru/w/yuhis/2010-feb>

7. Zapisniki Politbiroja SK KPS/ZKS, 1945-1954. - Ljubljana, 2000.

8. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. — Zagreb, 2006. — Sv.2.

9. Radonjić R. Izgubljena orijentacija / Radovan Radonjić. — Beograd, 1985.

10. Gabrič A. Inforbirojevstvo na Slovenskem / Aleš Gabrič // Prispевki za novejšo zgodovino. — 1993. — №1-2. — S.163-175.

11. Kržavac S., Marković D. Informbiro. Šta je ta? Jugoslavija je rekla: ne / Savo Kržavac, Dragan Marković. — Beograd, 1976.

12. Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita / Vladimir Dedijer. — Beograd, 1984. — T.3.

13. Petranović B. Istorija Jugoslavije, 1918-1988. / Branko Petranović. — Beograd, 1988. — Knj.3.

14. Marković D. Istina o Golom otoku / Dragan Marković. — Beograd, 1987.

15. Kovačević B. O Informbirou u Crnoj Gori / Branislav Kovačević // 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. — Beograd — Podgorica, 1998. — S.127-150.

16. Banac I. Sa Staljinom protiv Tita: Informbirovski rascjepi u jugoslovenskom komunističkom pokretu / Ivo Banac. — Zagreb, 1990.

Шахін Ю.В. Соціальна природа інформбюровського руху в югославській історіографії. — Стаття.

Анотація. В статті розглядаються оцінки, які давали югославські історики інформбюровському руху. Простежена еволюція оцінок, показано, що версія про інформбюровців, як агентів радянських спецслужб необґрунтована. Останні дослідження показали, що інформбюровський рух став наслідком соціальних процесів в Югославії, а ступінь його розвитку залежав від національно-культурних особливостей окремих регіонів.

Ключові слова: Югославія, інформбюровці, соціальний склад, політична боротьба, історіографія.

Shakhin Y.V. Social nature of cominformist movement by Yugoslav historiography. — Article.

Abstract. The article discusses assessments that Yugoslav historians gave to kominformist movement. The evolution of the estimations was studied, it was shown that the version of kominformists as the Soviet secret police agents was unfounded. Recent studies have shown that kominformist movement was the result of social processes in Yugoslavia, and the degree of its development depended on the national and cultural characteristics of individual regions.

Key words: Yugoslavia, kominformists, social composition, political struggle, historiography.